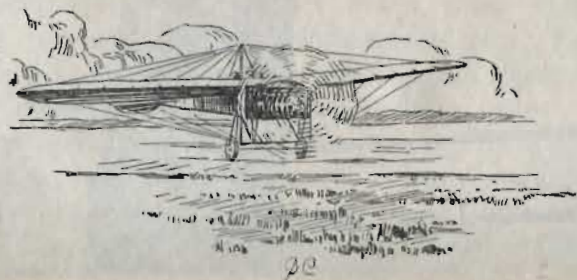

дусовъ. Затѣмъ изъ этого же пулемета можно стрѣлять и внизъ, для чего въ корпусѣ аэроплана сдѣлана труба, поставленная подъ наклономъ около 45 градусовъ и ясно видная на рисункѣ. Для стрѣльбы въ переднемъ направленіи имѣется второй пулеметь, придѣланный къ верхней несущей поверхности, какъ показано на рисункѣ и для того, чтобы стрѣлять изъ него, наблюдатель долженъ только встать и повернуться.

Что же касается бомбъ, то двѣ трубы для ихъ бросанія находятся по обоимъ сторонамъ вращающейся башенки и вдѣланы въ нижнюю часть корпуса аэроплана. Другія же двѣ трубы для бросанія бомбъ имѣются въ передней части корпуса аэроплана, сзади двигателя и ихъ сбрасываетъ, когда надо, пилотъ. Отсюда видно, что этотъ аэропланъ, такъ называемаго, боевого типа и приспособленъ для веденія воздушныхъ боевъ съ непріятельскими воздушными машинами, по которымъ онъ можетъ стрѣлять, какъ при отступленіи, такъ и при атакѣ и даже въ машины, летящія подъ нимъ, и въ благопріятную минуту можетъ сбросить бомбы.

Но несмотря на подобное расположеніе пулеметовъ на этихъ германскихъ аэропланахъ у нихъ всетаки есть районъ, въ которомъ они вести бой не могутъ и это очень скоро разгадалъ тотъ французскій летчикъ, который сбилъ одну изъ такихъ машинъ въ мартѣ этого года. Для этого онъ занялъ такое положеніе относительно непріятеля, что находился на линіи, идущей отъ центра вращающейся башенки къ передней оконечности нижняго крыла и благодаря этому иѣмецъ не могъ сдѣлать по нему ни одного выстрѣла и былъ подбитъ французскимъ стрѣлкомъ. Вообще, замѣчаетъ французскій журналъ, во время воздушнаго боя крайне важно знать въ какихъ направленіяхъ непріятельскій аэропланъ бываетъ наиболее уязвимымъ и отъ этого почти всегда зависитъ исходъ этого боя, почему французскіе летчики снабжаются надлежащими свѣдѣніями о непріятельскихъ аэропланахъ.

Б.

РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Критическіе очерки русской литературы на общія и военныя темы.

Вл. А. Гиляровскій. Годъ войны. Думы и пѣсни. Издательство «Улей». Москва. 1915 г. Цѣна 20 к.

Говорятъ, что по сдѣланному германскими критиками подсчету, въ Германіи за полгода войны было написано свыше миллиона поэтическихъ произведеній. Врядъ ли и у насъ меньше. И отчасти этимъ чрезмѣрнымъ изобиліемъ поэтическихъ произведеній, «на войну» отчасти привилегированностью приѣма въ печать этого рода поэзіи и объясняется предубѣжденный къ ней скептицизмъ со стороны читателей.

Редакторы и издатели пропускаютъ всѣ такія произведенія, часто скрѣпя сердце, но считая это своимъ патриотическимъ долгомъ или изъ боязни обвиненія въ антипатіи къ выраженію въ печати поэтически-патриотическихъ чувствъ. Поэтому иногда проходитъ такая «поэзія», которая дѣйствуетъ на читателя хуже неумѣлой или фальшивой игры на ненастроенномъ струнномъ музыкальномъ инструментѣ. Читатели и критики это впечатлѣніе обобщаютъ въ отношеніи всѣхъ поэтическихъ — «на войну» — стихотвореній и если и выказываютъ интересъ къ нимъ, то болѣе въ историко-статистическихъ цѣляхъ, для собиранія матеріаловъ по характеристикѣ переживаемой эпохи.

Предубѣжденно-скептическое отношеніе читателей къ «барабанно-патріотической поэзіи военнаго времени» объясняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣкоторые даже изъ популярныхъ современныхъ поэтовъ приняли въ своихъ произведеніяхъ по поводу великой войны дурной (райковый, лубочный) тонъ.

Съ другой стороны наблюдается—какъ передъ этимъ я сказалъ—якобы ради патріотическаго долга поощрительное отношеніе къ общему стремленію продемонстрировать печатно, въ особенности стихотворно, патріотическія чувства воинственнаго или добродѣтельно-гражданскаго оттѣнка.

Оказался новый критерій для оцѣнки поэтическихъ произведеній: относится ли оно къ патріотическимъ. Если относится, его признаютъ достойнымъ общаго вниманія и одобренія, хотя бы послѣдняго совершенно не заслуживало не только въ смыслѣ поэтичности, но въ смыслѣ даже искренности тона и благовидности выраженія. Этимъ въ особенности объясняется предубѣжденіе читателей противъ барабанно-патріотической поэзіи.

Но не очевидно ли, что въ литературномъ, поэтическомъ смыслѣ дѣло не въ томъ, что рисуется и что пишется, а въ томъ, кто рисуетъ и пишетъ или вѣрнѣе—какъ пишетъ. У истиннаго поэта, художника—все будетъ поэтично, художественно и ихъ произведенія не произведутъ впечатлѣнія «барабана».

Къ числу такихъ поэтически-художественныхъ произведеній, не производящихъ впечатлѣнія опошленнаго выраженія патріотическаго—подъ барабанъ—чувства относятся «Думы и пѣсни», «Года войны» В. Гиляровскаго.

Какая дивная поэтически художественная картина въ стихотвореніи: «Въ сельскомъ храмѣ», «Вся Русь молилась 8-го Іюля» (стр. 41).

Свѣтъ восковыхъ люблю мерцанье
И трепеть гаснущихъ лампадъ,
Ихъ передливое сіянье
На темныхъ ризахъ царскихъ вратъ.
Вбѣгутъ огня живого блики
Къ рѣшеткамъ дремлющихъ оконъ
И озаряютъ ярко лини
Старинныхъ сумрачныхъ иконъ.
И ароматный дымъ куреній
Сквозь переливъ живыхъ огней
Пропоешь рядъ святыхъ видѣній
При блескѣ трепетныхъ лучей.

И по силѣ художественнаго изображенія и по силѣ поэтическаго выраженія это стихотвореніе неподобно и не имѣетъ себѣ равныхъ. И не знаешь, чѣмъ болѣе восторгаться: особой способностью нарисовать поразительно яркими и волшебнo-живыми красками «въ сельскомъ храмѣ» картину или столь же дивною способностью передать съ волшебной жизненной свѣжестью и яркостью поэтическое настроеніе въ этомъ храмѣ.

Эта же яркость и жизненность изображенія замѣчается и въ стихотвореніи: «Пѣсня» (стр. 7).

Въ пѣснѣ вся душа народная,
Тышша дѣсовъ и нивъ,
То звучитъ въ ней степь свободная,
То воинственный призывъ,
То печаль-тоска великая,
Безнадежности поэма,
То и пьяная и дикая
Звѣремъ поспитъ она.

Хотѣлось полностью привести поэму-картину Руси въ пѣснѣ, но тогда, пожалуй, пришлось бы приводить и весь сборникъ стихотвореній г. Гиляровскаго. Ограничимся вотъ этими поэтически-художественными строками:

Цѣли рабства... Воля дикая...
За стѣнами свистъ плетей...
Грустно пѣла Русь великая
И баюкала дѣтей...
Доля горькая, тяжелая
Изъ печальныхъ словъ лилась—
Да какъ грянула веселая,
Мутной пѣной разлилась
Безпардонная частушечка:
Все на свѣтѣ грѣхъ-трава!...
—Не поймешь, красotka-душечка,
Заковырныя слова,
Голова отъ нихъ закружится,
Ноги ходить ходуномъ,
Позабудешься, не тужится—
И пошла вся жизнь вверхъ дномъ!
Безработная и рваная
Русь поникла головой,
Лишь одна частушка пьяная
Разливалась надъ страной...

Оканчивается это стихотворение строфами:

Вдругъ война неожиданно грянула...
Дрогнуль испугнутый народъ—
Русь могучая восприняла,
Всколыхнулась... Встаётъ.
Смолкли пѣсни. Лишь солдатскія
Кой-гдѣ слышны съ поѣздовъ,
Рвутся къ бою залхватенія
Велѣдъ несущихся полковъ.
Ужъ покончено съ частушками:
Прочь нелѣпныя слова!
Передъ вражескими пушками
Русь могуча и трезва,
Пѣсня въ ней гудитъ старинная
— Выше голову, не трусь!...
Богатырская, былинная
Поднялась Святая Русь.

Для стиховъ г. Гиляровскаго не требуется ни поясненій, ни разъясненій, ни подчеркиваній замѣчательныхъ мѣстъ. Красота его поэзіи—общепонятна и ее, какъ и красоту брилліанта, непосредственно чувствомъ, всею душою пойметъ всякій, помимо всякихъ надписей и авторитетныхъ отзывовъ.

Только немногіе художники и поэты могутъ похвалиться такимъ высшимъ искусствомъ или природнымъ даромъ. Большинство же художественныхъ и поэтическихъ произведеній требуетъ справки—что оно выражаетъ, въ чемъ его «соль» (смысль), въ чемъ его красота и чѣмъ именно надо восторгаться. А если передъ иною «поэзіею» или инымъ «художествомъ» какой нибудь простакъ начнетъ наивно недоумѣвать—въ чемъ тутъ красота, что это должно изображать,—объ немъ скажутъ, что онъ не дошелъ до пониманія поэтического или художественнаго. Поэтому другіе и не понимаютъ и не чувствуютъ ничего при видѣ известной картины, известнаго поэтического произведенія, но боясь прослыть «непонимающими» благороднаго искусства, съ видомъ «знатока» испускаютъ неопредѣленные междометія.

Но, повторимъ, истинная красота въ искусствѣ чувствуется непосредственно, безъ специальной подготовки. Въ произведеніяхъ г. Гиляровскаго непосредственно чувствуется въ большей или меньшей степени красота живописи въ словѣ и красота поэзіи.

За родину! Патриотическіе стихи о войнѣ. Народной учительницы Смоленской г. Юхновскаго у. *Анны Александровны Соколовой*. Подъ редакціей и съ предисловіемъ *Д. В. Коломійцева*. Цѣна 10 к. Петроградъ. 1915 г. Складъ брошюры—у *Д. В. Коломійцева*. Эртелевъ 8, кв. 29.

Я очень и очень виноватъ передъ *Д. В. Коломійцевымъ* въ томъ, что изъ за меня редакціей до сихъ поръ задержалось исполненіе его приказ... виноватъ—не исполнена его «просьба: перепечатайте эту статью и пришлите 2 экз. вашей газеты по адресу: Эртелевъ, 8, кв. 9. *Д. Коломійцеву*». Эта просьба была начертана на приклеенномъ къ газетѣ «Петроградскій Вечеръ» (№ 90, 7-го сентября 1915 г.) отрѣзкѣ бумаги. А около приклееннаго отрѣзка на полѣ газеты написано карандашемъ: «Въ дополненіе къ брошюрѣ «За родину», посланной на рецензію».

Г. Коломійцевъ, оказывается, требуетъ перепечатать помѣщенную въ фельетонѣ упомянутаго номера газеты хвалебную рецензію брошюры: «За Родину» съ исторіей замѣчательнаго открытія въ грудѣ «хлама» этого новаго перла русской поэзіи господиномъ *Коломійцевымъ*, «временно вступившимъ въ октябрѣ 1914 г. въ составъ одной сильно распространенной въ народѣ газеты»... ¹⁾ Фельетонъ—панегирическая рецензія подписана: «Библиофилъ», но сравнивъ фельетонъ съ предисловіемъ г. *Коломійцева* въ брошюрѣ, нельзя не замѣтить въ нихъ полного тождества не только въ отношеніи къ выявленнымъ изъ «хлама» стихамъ, во взглядѣ, въ критеріѣ, тонѣ, но и въ характерѣ и способѣ выразаться. Разница только въ томъ, что въ фельетонѣ о г. *Коломійцевѣ* говорится въ 3 лицѣ, и потому освѣдомленіе и свободнѣе (напримѣръ), что г. *Коломійцевъ*—«бывшій многолѣтній редакторъ-издатель «Гавричанина», *нынѣ хлопочущій объ основаніи своего периодическаго изданія въ Петроградѣ*).

И въ предисловіи къ брошюрѣ, и въ фельетонной рецензіи упирается на то, что стихи г-жи *Соколовой* выдѣляются изъ общей массы стиховъ на военные темы—«чувствомъ». Что—большинство изъ стихотвореній» (разныхъ авторовъ) «—ринованныя строчки, не согрѣтыя никакимъ чувствомъ... Въ стихахъ г-жи *Со-*

¹⁾ Такъ сказано въ предисловіи г. *Д. Коломійцева* въ брошюрѣ. Газета—«Русское Чтеніе».

головой чувство есть. Следовательно, стихи ея въ длинномъ рядѣ несогрѣтыхъ чувствомъ и все таки появляющихся въ печати стиховъ другихъ авторовъ, *имѣютъ несомнѣнное преимущество на вниманіе со стороны читателей*.²⁾

Про первое же стихотвореніе («Мы и они») говорится, что «оно было такъ превосходно, что г. Коломійцевъ напечаталъ его въ «Русскомъ Читеніи».

Чѣмъ это стихотвореніе превосходно, гдѣ въ немъ г. Коломійцевъ видитъ чувство,—я никакъ не могъ догадаться и потому позволю себѣ разбирать стихи г-жи Соколовой не такъ, какъ указываетъ г. Коломійцевъ, а на основаніи того впечатлѣнія, которое они производятъ.

Впрочемъ судите, читатель, сами о чувствѣ и въ «такъ превосходныхъ стихахъ» «Мы и они».

Туча небо облегла
Съ запада большая...
Разразилася гроза,
Буря роковая...
Стояетъ мать сыра-земли,
Льется кровь родная...
Всесохлаулась, поднялась
Наша Русь святая...
Швабы дерзко зарвались
Въ злобѣ сатанинской,
На Россію поднялись
Съ силой исполинской...

Не странно ли: слова громкія, пронзительныя съ «роковой бурей», со «стопами мать-сырой земли», съ «кровью родной», а не трогаютъ и не оставляютъ впечатлѣнія.

Но прочтя до конца всю брошюру (кого обязываетъ долгъ самопожертвованія) становится возможнымъ объяснить эту странность. Эти стихи (за исключеніемъ одного, двухъ)—плодъ не потрясеннаго и созданнаго чувства, не пережитого впечатлѣнія, волненія, не отраженіе общаго настроенія великой эпохи, а наборъ громкихъ или «чувствительныхъ» словъ. Г. Коломійцевъ, если и нашелъ «чувство», то только не въ стихахъ г-жи Соколовой, а въ себѣ самомъ, вѣроятно, или г. Коломійцевъ въ данномъ случаѣ не

²⁾ Кузнецъ—предисловія г. Коломійцева. Дальше—редактъ мой.

хочетъ дѣлать различіи между дѣйствительнымъ чувствомъ, обязательнымъ для лирической поэзіи и наборомъ звучныхъ, «чувствительныхъ» словъ. Словъ, хотъ и обозначающихъ чувство, но все-таки еще недостаточныхъ для выраженія наличнаго искреннаго чувства, которое проявляется прежде всего не въ словахъ, а въ тонѣ.

Тонъ же стиховъ брошюры: «За Родину» ничѣмъ не отличается отъ бездны изданныхъ стихотвореній, приуроченныхъ къ войнѣ и мѣтко названныхъ еще Добролюбовымъ «барабано-патріотическими стихотвореніями военнаго времени».³⁾

Та же искусственно-саентиментальная лирика, тотъ же урапатріотическій пафосъ, та же райковая или лубочная манера безпардоннаго—до завѣдомой лжи и клеветы—обвиненія и униженія всего у противника и возвышенія всего нашего, хотя бы на самомъ дѣлѣ мало-возвышеннаго и даже недостойнаго. Правда, «барабанъ» г-жи Соколовой—мягче, нѣжнѣе.

Въ дальнѣйшихъ строфахъ «такъ превосходнаго стихотворенія: «Мы и они» не отражается не только «чувство», но не видно, чтобы авторъ далъ себѣ отчетъ въ смыслѣ своихъ стиховъ.

Самъ Вильгельмъ ихъ понуждалъ...
Въ ослѣпленіи дикомъ
Мірѣ хотѣлъ онъ поразить
Варварствомъ великимъ...

Завѣдомая неправда не придаетъ красоты поэзіи. Вильгельмъ не варварствомъ, а кое-чѣмъ другимъ добивался поразить міръ и это вѣдъ известное обстоятельство позволяетъ оцѣнить эстетическую прелесть подобной поэтической манеры.

Онъ⁴⁾ сказалъ солдатамъ такъ:
„Царство наше мало,
А Россія велика
И богата стала...
И удобна и легка
Намъ туда дорога:
На границахъ мало войскъ.
А внутри—тревога...“

³⁾ Сравните съ разобраннымъ въ критической статьѣ подъ этимъ заглавіемъ въ № 8 «Военнаго Сборника» 1915 г. и въ № 9—«Крикъ души».

⁴⁾ Вильгельмъ.

Уничтожьте на пути
 Все слѣды славянства,
 Сбросьте съ шеи вы кресты—
 Символъ христіанства...
 Не щадите никого.
 Рѣжьте, грабьте, жгите...
 Честь, и совесть, и любовь
 Въ Вислѣ утопите
 Удивимъ разбоемъ міръ,
 Ширь дадимъ злодѣйствамъ
 И кровавый справимъ пиръ,—
 Тризну европейцамъ...

Такое описаніе, въ которомъ императоръ приказываетъ своимъ солдатамъ сбросить съ шеи кресты, утопить въ Вислѣ «честь, и совесть и любовь», т. е. именно то, чѣмъ крѣпка и могуча армія, чѣмъ она только и держится и безъ чего нельзя подвинуть на смертельную борьбу за свое отечество, — никоимъ образомъ нельзя отнести къ перламъ поэтическаго творчества. Нельзя увидѣть здѣсь не только чувства, силы воображенія, вдохновенной художественной пронизательности, но даже просто мышленія. Ибо ясно, что солдаты безъ чести, совѣсти и любви, безъ крестовъ прежде всего разбѣгутся и не станутъ подставлять себя подъ пули и штыки за то, что именно составляетъ честь и совесть воина.

Кто подумаетъ, тотъ пойметъ, что безъ чести, безъ совѣсти, безъ любви не было бы честныхъ, добросовѣстныхъ, любящихъ свое отечество воиновъ, цѣлыхъ армій. И пока арміи дерутся, въ нихъ есть честь, совѣсть, любовь. Въ томъ числѣ и въ солдатахъ враждебныхъ намъ арміи, которыхъ подвигаютъ на подвиги самопожертвованію, одинаковымъ съ нашимъ девизомъ: «Съ Богомъ, за Царя и Отечество» — какъ показываетъ надпись на гербѣ каждой германской каски («Mit Gott für Koenig und Faterland»).

Но дѣло въ томъ, что воинскую честь, совѣсть и любовь къ родинѣ мы и германцы понимаемъ по разному. Мы и воинскую честь, совѣсть и любовь къ родинѣ понимаемъ болѣе возвышенно, по-евангельски, германцы — считаютъ болѣе узко, эгоистично честнымъ, добросовѣстнымъ все то, что — по ихъ мнѣнію — можетъ содѣйствовать въ ихъ борьбѣ съ врагомъ, что можетъ способствовать «святой» (какъ странно выразилась г-жа Соколова въ стихотвореніи: «Новый годъ», стр. 5) побѣдѣ, въ непоколебимомъ заблужденіи, что только подъ властію тевтоновъ будетъ счастливо человѣчество.

Конечно, нельзя отнести къ поэтической красотѣ и «чувству» набившія оскомину негодующе-ругательное обращеніе къ Вильгему, къ «швабу», неизбежное для каждаго изъ безсчетнаго числа барабанныхъ изданій. Причемъ здѣсь часто и риома хромаетъ, иногда же ради риомы смыслъ хромаетъ.

Дрожи, Вильгельмъ, Антихристъ пресловутый
 Твоей часъ пробилъ, и кара такъ близка...
 Выги, злодѣй надменный и раздутый
 Расплата будетъ тяжка, велика! (стр. 4).

Для риомы пресловутый и раздутый — можетъ быть, недурно, но жалъ, только, что на счетъ смысла и звучности — не того. Зачѣмъ и кому понадобилось раздувать злодѣя?

Въ небольшой вариации мы читаемъ повтореніе этого и въ стихотвореніи «Послѣ Перемышля»:

Носитель безнравственныхъ ложныхъ идей,
 Мишурной побѣдой раздутый,
 Культурный злодѣй, истребитель людей,
 „Посланникъ небесъ“ пресловутый.

Можно только позавидовать тѣмъ счастливымъ литераторамъ, радужное настроеніе которыхъ не позволяетъ имъ чувствовать ни рѣжущихъ диссонансовъ, ни искусственности тона, изъяновъ, риомы, а напротивъ заставляетъ видѣть «чувство» и «превосходство» даже въ такихъ стихотвореніяхъ, нисколько не возвысившихся изъ общаго уровня барабанно-патріотическаго стихо-кропательства, въ которыхъ неприятно дѣйствуютъ на эстетическое чувство читателя такія неотдѣланныя мѣста и вольности въ отношеніи и звучности риомы, и самого смысла:

И лились токи слезъ, нашъ покой наруша,
 На устахъ замирали все тосты,
 И мучительно ныла, болѣла душа,
 Рвалась мысль на далекіе посты (стр. 5).

Въ этомъ же стихотвореніи («Новый годъ») слишкомъ много «рокового» и часъ встрѣчи новаго года «роковой» и — «Что въ грядущемъ готовилъ имъ годъ роковой?..» Почему же онъ называется роковымъ, когда объ немъ только еще загадывается во время его встрѣчи?

Странно, что ни авторъ, ни г. Коломійцевъ сами не почувствовали неладной градаціи въ строфахъ (въ этомъ же стихотвореніи):

Снился имъ недалекій и славный конецъ
И блаженство небеснаго рая
И Христось, и потлѣнный страданій вѣнецъ,
И сама Богоматерь святая...

Послѣ: «И Христось»... — «Сама» совсѣмъ не идетъ.

Стихотвореніе «Нѣмцамъ» — ничѣмъ не выдѣляется изъ тысячъ ему подобныхъ гнѣвно-ругательныхъ усовѣщиваній или проклятій, до-нельзя дешево стоящихъ, довольно-таки всѣмъ пріѣвшихъ.

Много лучше стихотворенія «Дума», отчасти «Смерть война», «Родина» съ проблесками безыскусственнаго поэтическаго вдохновенія.

Конечно, это только первые робкіе шаги въ области поэтическаго творчества и стихотворнаго искусства, и пока можно съ увѣренностью сказать только: эти стихи г-жи Соколовой не имѣютъ никакихъ данныхъ выдѣлиться изъ общей массы накопившихся уже въ достаточномъ количествѣ «недурныхъ» стиховъ. Въ будущемъ — трудно сказать: въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ («Дума») проглядываютъ проблески безыскусственнаго поэтическаго вдохновенія. И быть можетъ, что «барабанное направленіе» приуроченность чувствъ, искусственность лирики, явились только слѣдствіемъ желанія видѣть свои стихи напечатанными. Но гдѣ нѣтъ барабаннаго направленія, въ стихахъ слышится нѣжная, нѣсколько сентиментальная, нѣсколько меланхоличная лирика.

Недостатки: главный — неотдѣланность (выражаясь вульгарно — стихи часто «заѣдаютъ»), повтореніе нѣкоторыхъ словъ (очень часто: «роковой»), невниманіе къ получающемуся смыслу. Въ послѣднемъ стихотвореніи «Сонъ», точно именно «во снѣ», фантазія не управляется сознаніемъ, разумомъ и получилось... я не буду характеризовать — что получилось и приглашу внимательно прослѣдить за опредѣленіемъ мѣста, видѣннаго во снѣ. Это мѣсто называется пустыней, дремучимъ боромъ, надъ бездною, ущельями горъ...

Мой духъ одинъ надъ бездною парилъ

Въ полночной мглѣ сребрился берегъ дальній
А тамъ, вверху, кровавый бой кипѣлъ...
И грозный гулъ воинственныхъ прелюдій
Ущелья горъ и скалы потрясалъ
Да въ тѣмъ гудѣлъ зловище боръ дремучій
Таинственной глубокой скорби полонъ,
Да дико вылъ въ пустынь (?) вѣтеръ жгучій
Сливаясь съ ропотомъ тревожныхъ волнъ...

Врядъ ли отъ этого возникнетъ въ представленіи читателя опредѣленный, поэтической образъ, картина. Гдѣ это было? Здѣсь вѣдь все смѣшалось: «въ пустынь», у «берега дальняго», около «бора дремучаго», «въ ущельяхъ горъ и скалъ»...

Артилерійскій журналъ. №№ 10, 11 и 12 (въ одной книжкѣ).
1915 г. Октябрь—ноябрь—декабрь.

Рецензируя послѣднія три книжки «Артилерійскаго журнала», невозможно умолчать объ обозначеніи трехъ послѣднихъ книжекъ журнала (если и отличающихся отъ предыдущихъ книжекъ, то только тѣмъ, что онѣ... тоньше) вмѣсто № 5 — №№ 5 и 6; вмѣсто № 6 — №№ 7, 8 и 9 и вмѣсто № 7 — №№ 10, 11 и 12. Почему здѣсь одна книжка обозначается — тремя, не увеличивая объема содержанія и даже не измѣняя его формы, обозначать — какъ это видимъ здѣсь — книжки журнала нѣсколькими мѣсяцами («октябрь, ноябрь, декабрь»), газету — нѣсколькими нумерами и днями (например, №№ 2451, 2452, 2453 — вторникъ, среда, четвергъ).

Да и не въ періодическихъ почему бы не обозначать вмѣсто — напримеръ — глава 1-я — главы 1, 2 и 3; или почему, напримеръ, брошюръ не придать солидности, обозначивъ ее: томъ 1, 2 и 3.

Въ неофициальномъ отдѣлѣ книжки «№№ 10, 11 и 12» (а по понятіямъ подписчиковъ — только 7), въ продолженіи статьи г. Н. Петровича: «Опытъ изслѣдованія стрѣльбы береговой артилеріи» читатели продолжаютъ контузиться «чемоданными» формулами за свое любопытство относительно интереснаго заглавія этого продолженія: «Способы стрѣльбы иностранныхъ артилерій» (глава VIII этой статьи).

Привлекаетъ вниманіе статья г. П. Дынникова: «*Своднія о снарядахъ австрійской артилеріи*» и особенно выводъ автора, что «возможно, что австрійцы во время войны переходятъ на стальную гаубичную (4 дм.) и тяжелую гаубичную (6 дм.) артилерію вмѣсто бронзовой».

Къ «*Примѣненію секундомѣра при рѣшеніи нѣкоторыхъ артилерійскихъ задачъ*» (статья г. В. А.), а именно: 1) «*Къ прохожденію на картѣ нѣкоторыхъ точекъ мѣстностей*» (измѣреніемъ секундомѣромъ съ двухъ различныхъ точекъ наблюденія промежутка отъ звука выстрѣла изъ своей батареи по телефону и звука этого же выстрѣла безъ телефона), 2) «*Къ опредѣленію дальностей до мѣста разрыва снаряда*» (измѣреніемъ промежутка между появленіемъ облака разрыва и донесшимся звукомъ этого разрыва), и 3) къ «*Способамъ трансформированія уломѣромъ Милаловскаго-Турови при рѣшеніи Δ -а по даннымъ величинамъ трехъ сторонъ*» (причемъ величины сторонъ опредѣляются «предыдущими задачами»), — приходится отнестись скептически даже до провѣрки правильности и степени простоты и удобства примѣненія предлагаемыхъ способовъ. Тѣмъ болѣе, что эти способы, оказывается, совсѣмъ не провѣрены и не вывѣрены на практикѣ, да и видъ имѣютъ — «задачъ для развлеченія» артилерійскаго общества, подобно задачамъ въ отдѣлѣ: «для юношества» — въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ. Эти задачи во всякомъ случаѣ не для «поля», не для боя. Самъ авторъ, видимо, замѣчаетъ несерьезность своего предложенія, но старается убѣдить себя и читателей въ цѣлесообразности примѣненія предлагаемыхъ приемовъ такими заключительными строками своей статьи: «Приемы, указанные въ рѣшеніи этихъ задачъ не представляютъ что-либо невозможное и невыполнимое» (почему не — чего-либо невозможнаго и невыполнимаго?). «Если это такъ, то примѣненіе этихъ приемовъ будетъ вполне допустимо, и дастъ возможность нашей артилеріи болѣе солидно ⁵⁾ вести борьбу съ артилеріей противника, если обычные способы борьбы не могутъ быть примѣнимыми».

Такихъ приемовъ, не представляющихъ «чего-либо невозможнаго и невыполнимаго» найдется у каждаго артилериста и не артилериста сколько угодно, но развѣ отсюда слѣдуетъ, что «примѣненіе этихъ приемовъ будетъ вполне допустимо, и дастъ возможность нашей артилеріи болѣе солидно вести борьбу?» Охъ, спаси и по-

⁵⁾ Курсивъ мой.

милуй, Господи, нашу артилерію не отъ враговъ, съ которыми она «сама справится», а отъ друзей-прожекторовъ!

Видно, что здѣсь артилерія для придуманныхъ способовъ, а не для своего прямого дѣла. Вотъ нарочно прослѣдимъ, что надо дѣлать, чтобы «продемонстрировать» первую предложенную авторомъ задачу по нанесенію на карту мѣста батареи.

Прежде всего, оказывается, надо допустить, что «на картѣ можно точно намѣтить пункты а и б, связанные съ батареей телефонами», — значитъ, во-2-хъ — отъ батареи надо провести телефоны въ эти два пункта. Въ 3-хъ — надо сдѣлать выстрѣлъ однимъ изъ орудій, и въ 4-хъ — заняться письменными вычислениями, притомъ безъ малѣйшей надежды и вѣры въ возможность хоть сколько нибудь удовлетворительныхъ результатовъ въ виду того, что этотъ способъ не былъ провѣренъ на практикѣ и не имѣетъ никакихъ опытныхъ данныхъ, и въ немъ не опредѣлена степень точности. Кромѣ того вѣдь и передача звука по проволоцѣ телефона не моментальная, какъ предполагаетъ авторъ, а только раза въ 4, въ 5 скорѣе передачи въ воздухѣ. Причемъ на скорость распространенія звука имѣетъ значительное вліяніе температура воздуха, степень его влажности, топографія мѣстности (лѣсъ, горы). Вѣдь пренебрегать этими величинами никоимъ образомъ нельзя до выясненія ихъ силы вліянія на точность рѣшенія задачи. Я уже не говорю о томъ, что опредѣленіе прохожденія звукомъ тысячи ста футовъ въ секунду — лишь *приближенное*, а не точное ⁶⁾, а главное — наиболѣе точные принятые у насъ секундомѣры имѣютъ дѣленія лишь въ $\frac{1}{5}$ секунды (однако на практикѣ никогда не удается опредѣлить $\frac{1}{5}$ секунды), т. е. наибольшая идеальная точность равна 220 футамъ; если же принять во вниманіе игру стрѣлки при пусканіи въ ходъ и останавливаніи секундомѣра, то точность окажется въ 1.100 ф., а можетъ быть и больше; а вѣдь и вся-то база не превышаетъ иногда 1.100 футовъ, во всякомъ случаѣ не превышаетъ версты.

Такимъ образомъ не только практически, но и теоретически предложенный г. В. А. «способъ» «солиднаго веденія борьбы съ артилеріей противника» — вызываетъ самый крайній скептицизмъ.

Слѣдующая статья: «*Наибольшая дальность стрѣльбы изъ*

⁶⁾ Марсенъ опредѣляетъ эту скорость въ 448 метровъ (въ 1610 г.); въ 1822 комиссіями въ Парижѣ (Араго, Прони, Ге-Люссака, Гумбольдтъ и др.) эта скорость опредѣлена въ 330,8 м. Послѣ эта цифра еще измѣнялась.

современныхъ орудій» г. А. Г. вызоветъ живой интересъ среди и не артиллеристовъ.

Такой же живой интересъ имѣетъ и другая статья того же автора: «Замѣтки изъ области артиллерійской техники» — о «Щитѣ для закрытія стрѣлка».

«Извлеченія изъ журналовъ артиллерійскаго комитета» — какъ всегда — интересны не только по существу, но и въ смыслѣ техники.

А. М. Д.

ПРИМѢНЕНІЕ БЛОКАДЫ ВЪ ЭТОЙ ВОЙНѢ.

Во время этой войны терминъ «блокада» часто встрѣчается въ печати при названіи различныхъ военно-морскихъ операцій, причемъ слѣдуетъ сказать, что, во-первыхъ, онъ употребляется не всегда правильно, а во-вторыхъ, нѣкоторыя весьма серьезныя военныя операціи, имѣющія характеръ блокады, при выполненіи ихъ значительно расходятся съ тѣми положеніями, которыя установлены въ военно-морской наукѣ и международномъ правѣ по этому предмету.

Подъ словомъ блокада подразумѣвается изолированіе при помощи вооруженной силы части непріятельской территоріи, причемъ оно можетъ быть произведено, какъ со стороны суши, такъ и со стороны моря отдѣльно, или вмѣстѣ совмѣстными усиліями арміи и флота. Что касается морской блокады, то военно-морская наука прежде всего устанавливаетъ неизблемый принципъ, что подобная операція возможна только тогда, когда одинъ изъ противниковъ пріобрѣтъ господство на морѣ, или считаетъ, что оно принадлежитъ ему. Конечно, въ первомъ случаѣ, т. е. тогда, когда непріятель, или не располагаетъ надлежащей морской силой, или она ослаблена, возмозненіе блокады не можетъ представить большихъ